

А. В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

a.v.maiorov@gmail.com

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, БАТУ И ХАН МУНКЕ: НАШЕСТВИЕ НЕВРЮЯ И КОНТРОЛЬ НАД РУССКИМИ ЗЕМЛЯМИ

Произошедшее в первой половине 1252 г. нападение монгольского военачальника Неврюя на Владимиро-Суздальскую землю было обусловлено борьбой за власть в Монгольской империи. Чтобы обеспечить контроль над западными окраинами империи, новый великий хан Мунке стремился разрушить созданную Бату в 1240-х гг. систему подчинения русских земель. Перепись населения Руси, предпринятая правительством Мунке, должна была обеспечить централизацию власти, материальных и людских ресурсов, необходимую для дальнейших завоеваний как на Западе, так и на Востоке. Противостояние Джучидов и имперского центра продолжалось несколько лет, вплоть до смерти Бату и его сына Сартака.

Ключевые слова: Александр Невский, Андрей Ярославич, Бату, Мунке, Неврюй

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00166. Благодарю С. В. Дмитриева (Институт востоковедения РАН) и Стивена Поу (Университет Калгари) за помощь в работе с китайскими источниками и многие ценные советы. Приношу благодарность также А. А. Горскому, Ю. И. Дробышеву, Е. Л. Конявской, Р. Ю. Почекаеву и В. В. Трепавлову, взявшим на себя труд познакомиться со статьей до ее публикации и, не во всем согласившись с автором, высказавшим ряд важных замечаний.

В исследовательской литературе сложился консенсус в отношении хронологии и причин нападений монгольских военачальников Неврюя и Куремсы на земли Северо-Восточной и Юго-Западной Руси. Обе атаки произошли практически одновременно – в 1252 г. – и были взаимосвязанными акциями, в которых проявилось общее изменение монгольской политики, вызванное приходом к власти нового великого хана Мунке (Менгу, *монг.* Мөнх)¹ (см.: [Черепнин, с. 202; Fennell, p. 107–108; Ostrowski, p. 52, 56; Горский, 2010, с. 176; Selart, p. 224; Конявская, с. 168–169; Langer, p. 493], и др.).

На наш взгляд, источники дают возможность точнее определить причину возобновления монгольской экспансии. Сразу после прихода к власти Мунке принял решение о проведении всеобщей переписи податного населения. Это грандиозное мероприятие, реализация которого началась уже в 1252 г., охватило все области и страны, так или иначе входившие в состав Монгольской империи или признававшие верховную власть великого хана. Перепись проводилась с целью упорядочения системы взимания налогов и выполнения других повинностей, обязательных для всех завоеванных народов, что в конечном счете должно было привести к увеличению доходов великоханской казны, централизации власти и усилению контроля над ресурсами империи (подробнее см.: [Allsen, 1987, p. 116–143]; см. также: [Майоров, 2022]).

Мунке использовал демографическую информацию, полученную в результате переписи, чтобы ввести новую налоговую систему как для своих оседлых, так и для кочевых подданных. Главной особенностью новой системы был подушный налог, *кубчир* (*купчур*), который взимался с каждого взрослого мужчины или семейного домохозяйства (в зависимости от региона). Ставка кубчира зависела от благосостояния плательщика, при этом предполагалось, что бедные

¹ Нашествию Куремсы на галицко-волинские земли мы планируем посвятить специальную статью.

будут платить один динар, а богатые десять (см.: [Kolbas, p. 140])². Этот налог был добавлен к существовавшим ранее *тамге* и *калану*, представлявшим собой соответственно налог на коммерческие операции и десятипроцентный сбор с производимой продукции, прежде всего сельскохозяйственной (см.: [Allsen, 1987, p. 148, 153–154, 164, 193; Jackson, 2017, p. 111–113]; см. также: [Vásáry]).

Установлению кубчира неизменно предшествовало проведение переписи населения. По крайней мере, с начала 1250-х гг. так было в Иране, на Кавказе и на Руси. Мунке постановил, что новый налог будет взиматься один раз в год и вырученные средства должны расходоваться на проведение рекрутских наборов в монгольскую армию, обеспечение дорожно-почтовой службы и содержание посланников. По-видимому, впервые эта налоговая система была апробирована Масуд-беком, монгольским наместником в Мавераннахре, и затем распространена по всей империи (см.: [Kolbas, p. 139–141; Jackson, 2017, p. 112–113]).

Мунке обеспечил систематическое поступление доходов в императорскую казну, установив новую чеканку монет, которыми следовало выплачивать налоги. Перепись населения и монетизация налоговой системы позволили центральному казначейству точно оценить ожидаемые доходы и вести их строгий учет. Новая налоговая система оказалась намного более эффективной, чем существовавшая ранее, в правление Угэдея и Гуюка, когда большая часть податей осуществлялась в натуральном виде, преимущественно продуктами питания и живым скотом. Ввиду сложности или невозможности транспортировки на дальние расстояния большинство подобных поступлений оставалось в руках местных правителей, что подрывало доходы императорской казны (см.: [Норе, 2016, p. 78]; см. также: [Allsen, 1987, p. 172; Kolbas, p. 141]).

Ответственность за проведение переписи была возложена не только на центральные, но и на местные власти, причем местные династы и региональные ханы во всех областях империи – в Китае, Иране, на Кавказе и Руси – должны были оказывать любую дополнительную поддержку, административную или военную, необходимую для исполнения директивы великого хана (см.: [Allsen, 1987, p. 118–119]).

Это была уже вторая общеимперская перепись, пришедшая на Русь: первая проходила пятью годами ранее и также была связана с приходом к власти нового хана Гуюка (см.: [Allsen, 1987, p. 135–136]).

Сообщение китайского источника

В анналах Мунке – третьей главе раздела «Основные записи» китайской истории эпохи Юань («Юань ши», составлена в 1370 г.) – сообщается: весной, в начальной луне года *гуй-чоу* (31 января – 28 февраля 1253 г.) «хан» отправил бичигчи Берке произвести перепись населения на Руси» (*цянь би-шэ Бе-эр-гэ ко Во-ло-сы ху-коу / 遣必闐別兒哥括斡羅思戶口*)³. Подобную версию данного известия можно найти в большинстве его переводов на европейские языки, выполненных в XIX–XX вв. (см.: [Иакинф (Бичурин), с. 319; Bretschneider, p. 80; Abramowski, s. 22; Allsen, 1987, p. 136]).

Другой перевод недавно предложил Р. П. Храпачевский. По его версии, к февралю 1253 г. Берке уже произвел перепись населения на Руси и отчитался об этом перед императором:

² См.: *‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Jwaini. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle with intr. and bibl. by D. O. Morgan. Manchester, 1997. P. 517.*

³ Дословно: «инспектировать [число] русских хозяйств и ртов/душ» (Юань ши. Пекин, 1976. Глава 3. С. 46). О различных интерпретациях этого известия см.: [Allsen, 1981, p. 44–45].

«Битекчи Берке внес в реестр количество дворов и населения русских»⁴. «Внесение в реестр», полагает Р. П. Храпачевский, специальный термин монголо-китайской канцелярии, подразумевающий перепись населения и составление реестра его повинностей. Включение сообщения о русском реестре в анналы Мунке означает, что составители «Юань ши» имели на руках соответствующий документ, предназначавшийся для хана. По мнению исследователя, это мог быть доклад Берке об успешном выполнении ханского приказа. Поскольку доклад был датирован февралем 1253 г., описанное в нем событие должно быть отодвинуто по меньшей мере на полгода назад, то есть перепись на Руси была начата не позднее середины 1252 г. (см.: [Храпачевский, с. 264 и след.]).

Приходится признать, что в своих интерпретациях Р. П. Храпачевский слишком вольно обращается с источником. В приведенном сообщении «Юань ши» речь идет о том, что в феврале 1253 г. хан Мунке назначил специального имперского чиновника, которому еще только предстояло отправиться на Русь для проведения переписи податного населения. Строго говоря, в источнике не сказано, кто именно отправил на Русь бичигчи Берке, но из общего контекста однозначно следует, что подобный приказ исходил от императора.

Бичигчи/бетикчи (必闈) ⁵ – юаньское название младшего должностного лица ханской канцелярии, выполнявшего функции писца или секретаря [Bretschneider, p. 80; Allsen, 1981, p. 44–45]. Разумеется, бичигчи Берке не мог быть одноименный с ним Чингизид, впоследствии ставший правителем Улуса Джучи. Скорее этот бичигчи может быть тождественен монгольскому чиновнику Беркаю, упомянутому в Новгородской Первой летописи под 6767 (1259) г.: Беркай вместе с неким Касачиком прибыл в город для проведения переписи населения⁶.

В 1253 г. Мунке отправляет бичигчи Берке на Русь, на что определенно указывает иероглиф 遣 (*цян*) 'отправлять, посылать'. С точки зрения синтаксической функции он выступает как сказуемое, тогда как «Берке» отведена роль второстепенного члена предложения – дополнения. Нет никаких оснований видеть здесь ссылку на доклад, представленный императору, в котором Берке будто бы отчитывался об уже выполненном поручении, касавшемся переписи населения Руси. Берке еще только предстояло отправиться на Русь, и для выполнения ханского приказа понадобилось не полгода, а намного больше времени: в Северо-Восточной Руси основные мероприятия, связываемые с переписью, прошли в 1257 г., а в Новгородской земле – в 1259 г.

Свидетельства русских источников

Вместе с тем сопоставление приведенного свидетельства «Юань ши» с известиями русских летописей показывает, что нападение Неврюя на Владимиро-Суздальскую землю и последовавшее затем назначение Берке были связанными между собой событиями, имевшими прямое отношение к утверждению власти имперского центра и проведению переписи податного населения.

Историки не замечают или недооценивают эту связь. В литературе распространено мнение, что войска Неврюя пришли на Русь по приказу Бату, решившего перераспределить княжеские столы между Андреем и Александром Ярославичами. Александр готов был подчиниться воле ордынского правителя, Андрей же, посоветовавшись со своими боярами, отказался повиноваться, зная заранее, что великокняжеский стол должен перейти к его

⁴ Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» / Пер. и коммент. Р. П. Храпачевского // Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. С. 190.

⁵ Полный вариант: *би-шэ-чи* (必闈赤), *би-чэ-чэ* (必彻彻).

⁶ ПСРА. М., 2000. Т. 3. С. 82; см. также: Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». С. 278. Примеч. 458.

старшему брату (см.: [Горский, 2021, с. 20]). Иногда считается, что Неврюеву рать могли прислать на Русь как Бату, так и великий хан Мунке или что оба они действовали заодно [Конявская, с. 168–169].

Подобные выводы так или иначе опираются на сообщение Жития Александра Невского: «По сем же разгневая царь Батый на брата его меншаго, на Ондreja, и посла воеводу своего Неврюя повоевати землю Суждальскую»⁷. Однако древнейшие летописи не подтверждают этого факта. Более того, Лаврентьевская летопись указывает на другую причину карательного похода Неврюя, когда говорит о нежелании Андрея Ярославича «цесарям служить»⁸.

Хотя «цесарями» на Руси в равной мере именовали правителей Золотой Орды и монгольских ханов, маловероятно, чтобы здесь имелась в виду служба владими́ро-суздальского князя Бату.

Едва ли можно сомневаться, что в период существования единой Монгольской империи *царями* или *ханами* (при всей многозначности этих терминов) на Руси, как и в других завоеванных странах, должны были титуловать, прежде всего, монгольских великих ханов, правивших всей империей. Только вследствие распада единой империи эти высшие титулы могли окончательно закрепиться за правителями ее бывших частей, таких как Улус Джучи (Золотая Орда).

Использование в Лаврентьевской летописи множественного числа (*цесарям* вместо *цесарь*) также не может быть доказательством причастности к акции Неврюя монгольских правителей разного ранга, таких как Мунке и Бату. Употребление множественного числа для обозначения верховного правителя отражает политическую ситуацию, сложившуюся в Монгольской империи в 1240-х – начале 1250-х гг., о которой, несомненно, знали на Руси. После смерти Угэдея, недолгого правления Гуюка и до восшествия на престол Мунке в империи шла упорная борьба за верховную власть между различными соперниками, наследниками великих ханов («Кановичами», как их называл русский летописец) и существовало несколько центров силы, конкурировавших друг с другом.

В 1245 г. Константин Ярославич, отправившийся из ставки Бату в ставку великого хана, благополучно возвратился к своему отцу, великому князю Ярославу Всеволодовичу «от Кановичь»⁹. Сам Ярослав Всеволодович умер, «ида от Кановичь» (30 сентября 1246 г.), то есть на обратном пути из великоханской ставки, куда он прибыл по решению Бату¹⁰. Когда летом 1248 г. Александр Невский вслед за своим младшим братом Андреем отправился к монголам, летописец записал: «Поеха Андреи, князь Ярославич в Татары к Батыеви, и Олександръ князь поеха по брате же к Батыеви, Батый же почтивъ ею, и посла я г Каневичем»¹¹ (см.: [Майоров, 2021б, с. 11–12]).

Как видим, для автора записей в Лаврентьевской летописи, относящихся к контактам владими́ро-суздальских князей с монголами, характерно использование множественного числа для обозначения верховных правителей империи (*цесари*, *кановичи*) в период междуцарствия и политической борьбы, предшествовавший установлению полновластия Мунке. При этом русский летописец четко отделял улусного правителя Бату от верховных правителей империи и только последних обозначал ханским (или царским) титулом.

Ханский приказ о предстоящей переписи был доставлен владимирскому великому князю Андрею Ярославичу, скорее всего, уже в начале 1252 г. Однако последний отказался

⁷ Цит. по: Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е годы. Реконструкция текста // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 194.

⁸ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 473.

⁹ Там же. Стб. 470.

¹⁰ Там же. Стб. 471.

¹¹ Там же.

повиноваться воле хана. Как уже отмечалось, Лаврентьевская летопись прямо говорит об этом: князь Андрей, посоветовавшись со своими боярами, предпочел бежать из Руси, нежели «цесарям служити».

О какой службе говорит наш источник? Едва ли здесь имелась в виду служба владимиросуздальского князя Бату. К высказанным выше соображениям добавим еще одно.

К 1252 г. почти все русские князья, включая владимиросуздальских, признали свою зависимость от правителя Улуса Джучи, принесли ему вассальную присягу и получили подтверждение своих княжеских прав (см.: [Майоров, 2016а]). К этому времени уже должна была сложиться своя система зависимости русских земель и их правителей от Орды, предполагавшая определенные служебные обязательства, устраивавшие обе стороны. Ничто не указывает на возможность отказа владимирского князя от их соблюдения.

Другое дело – отношения с имперским центром. Длительные периоды нестабильности верховной власти, характерные для Монгольской империи в 1240-е гг., ранняя смерть Гуюка и ожесточенная борьба за власть между различными группировками Чингизидов, активное участие в ней Бату, при поддержке которого к власти пришел новый хан Мунке, – все это в известной мере могло дезориентировать русских князей и вызвать обманчивое впечатление, что правитель Улуса Джучи является силой, равной великому хану, и что служба первому могла принести больше выгод, чем служба последнему.

Кроме того, в силу особого положения принца Джучи, старшего сына Чингисхана, некоторое время считавшегося его преемником, Улус Джучи, хотя и являлся частью Монгольской империи, пользовался определенной автономией. Джучиды стремились к тому, чтобы укрепить и расширить свой автономный статус, используя лояльность русских князей. Возможно, условия, на которых русские князья признавали свою зависимость от Бату, казались им более приемлемыми по сравнению с требованиями, предъявленными ханом Мунке.

Мунке и централизация власти в империи

Оппозиционные настроения, похоже, были свойственны не только русским князьям. Они получили более широкое распространение на западных окраинах империи, которые Джучиды стремились подчинить своей власти, в частности в Иране и на Кавказе. Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувейни (ум. 1283), персидский государственный деятель и историк Хулагуидов, армянский историк Киракос Гандзакеци (ум. 1271) и другие средневековые авторы приписывают Бату несвойственные официальной имперской иерархии титулы *каан-ака* ('старший хан') или *ханский отец* (с использованием византийского эквивалента *василеопатор*), сообщая при этом, что местные династии, признавшие власть монголов, приезжали на утверждение к Бату и он выдавал им свои ярлыки, действуя как суверенный правитель¹².

Более того, некоторые современники изображали Бату как подлинного правителя империи, а Мунке как его ставленника. Джувейни называл Бату «делателем царей» (*shāh khustawnishān*)¹³, а Киракос Гандзакеци утверждал, что Бату «возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны. И даже его сородичи почитали [Бату] больше всех остальных, и тот, кто царствовал над ними (кого они величают ханом), садился на престол по его приказу»¹⁴.

Вильгельм (Гийом) де Рубрук, в 1253–1254 гг. объехавший дворы Сартака, Бату и Мунке

¹² 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juwaini. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror. P. 267, 561; Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 181, 218.

¹³ 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juwaini. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror. P. 594.

¹⁴ Киракос Гандзакеци. История Армении. С. 218.

в качестве посланника французского короля Людовика IX, свидетельствовал: «По смерти Кенхана (т. е. хана Гуюка) Бату пожелал, чтобы Мангу (т. е. Мунке) был ханом», и добился своей цели: «по смерти Кена был по желанию Бату избран Мангу»¹⁵. Абу Омар Минхадж ибн Сирадж аль-Джуджани (ум. после 1260 г.), персидский историк Делийского султаната, внимательно следивший за ходом монгольских завоеваний и борьбой за власть в империи, приписывал Бату следующее заявление: «... дядя наш Толуй, младший сын Чингисхана, умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол... Мунке. Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкою буду я»¹⁶.

Подобные свидетельства привели некоторых исследователей к выводу, что Мунке, став великим ханом, какое-то время находился в подчинении Бату или что они оба поровну делили верховную власть в империи, *de facto* будучи соправителями (см.: [Бартольд, с. 148; Boyle, p. 340; Jackson, 1978, p. 207–208]). Этот вывод представляется нам односторонним, поскольку прямо или опосредованно выражает точку зрения одной из конкурирующих сил – Джучидов. Как показал Томас Оллсен, Мунке и Толуиды отнюдь не считали Бату создателем царей, которому они были обязаны трон. С не меньшими основаниями Мунке мог считать Бату своим должником: еще будучи принцем, Мунке внес существенный вклад в усиление Улуса Джучи, сыграв важную роль в подчинении кипчаков, аланов и Руси. Толуиды видели в Бату только уважаемого и ценного союзника, долгое сотрудничество с которым оказалось выгодным для обеих сторон [Allsen, 1987, p. 60–61].

Вместе с тем не вызывает сомнений, что в пределах своего улуса Бату пользовался сравнительно большей свободой действий, чем другие Чингизиды на своих территориях: Мунке старался консультироваться с Джучидами по всем вопросам, непосредственно касающимся их владений. Хотя есть все свидетельства того, что основные политические и финансовые мероприятия Мунке были полностью реализованы на территориях, подвластных Бату, это часто требовало дополнительных усилий и особых подходов со стороны имперского центра.

Придя к власти, Мунке провел серию реформ, направленных на мобилизацию и централизацию ресурсов империи, необходимых для проведения новых завоевательных кампаний на Западе и в Китае. В частности, были аннулированы все властные полномочия и имущественные привилегии, полученные имперскими принцами и принцессами, а также высшими чиновниками со времен Чингисхана. Удельным князьям запрещалось проводить мобилизацию своих подданных по собственному усмотрению, им также запрещалось любое вмешательство в налогово-финансовую сферу без одобрения имперских чиновников. Тем самым император добивался увеличения налоговых поступлений и ограничения прерогатив местных правителей (подробнее см.: [Allsen, 1987, p. 79–82; Jackson, 2017, p. 118–119]).

Организация Мунке иранской экспедиции, во главе которой он поставил своего младшего брата Хулагу, явилась очередным вызовом положению Джучидов. Бату должен был предоставить в распоряжение Хулагу требуемое количество воинских сил, мобилизованных в своем улусе и составивших часть правого крыла монгольской армии, наступавшей на Багдад¹⁷. Вместе с тем Бату, похоже, сделал все возможное, чтобы затянуть или отсрочить исполнение важнейших приказов великого хана. В результате перепись населения на большинстве территорий, подчиненных Джучидам, была проведена лишь в конце 1250-х гг. Точно так же, внешне подчинившись приказу великого хана предоставить войска в армию Хулагу, Бату

¹⁵ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 135.

¹⁶ *Minhāj Sirāj Jūzjānī. Tabakāt-i Nāstrī: A general history of the Muhammadan dynasties of Asia: 2 vols.* / Trans. H. G. Raverty. Calcutta, 1881. P. 1179–1181; русский перевод см.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 16.

¹⁷ *Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror.* P. 607.

выразил неодобрение его дальнейшим действиям, и монгольское наступление на Багдад началось только после смерти старшего Джучида¹⁸.

«Цесарская служба», исполнять которую отказался великий князь Андрей Ярославич, – это, вероятнее всего, его участие в проведении переписи и мобилизации русских воинов в монгольскую армию для участия в предстоящей военной кампании в Иране. Инициатором обоих мероприятий, несомненно, был хан Мунке, использовавший их как инструмент централизации финансов и укрепления верховной власти.

Военачальник Неврюй: идентификация личности

Как только стало известно об отказе Андрея Ярославича повиноваться хану, в дело вступил монгольский отряд, имевший целью покарать ослушника. Личность командира этого отряда, в русской традиции именуемого Неврюем, как кажется, может быть идентифицирована с опорой на китайские источники.

Лаврентьевская летопись не упоминает имени монгольского военачальника, напавшего на Владимиро-Суздальскую землю. Впервые его имя приводится в Житии Александра Невского и в русских летописях XV в., где оно передано в различных формах. В Софийской Первой летописи и в большинстве позднейших общерусских летописей читается *Неврюи*¹⁹. Московско-Академическая летопись, сохранившая следы более раннего ростовского и суздальского летописания, независимого от московской великокняжеской традиции, передает это имя в другой форме – *Неврюнь*: «Приде Неврюнь и прогна князя Андрея за море»²⁰. Форма *Неврюнь* читается в нескольких ранних списках Жития Александра Невского (в том числе ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 154), отразивших его первую редакцию²¹.

Как отмечал Я. С. Лурье, сообщение о событиях 1252 г. в Московско-Академической летописи имеет особую ценность, так как передает их альтернативную версию, самостоятельную по отношению к официальной традиции, связанной с Александром Невским. Если Лаврентьевская летопись акцентирует внимание на Александре, с торжеством сообщая о переходе к нему владимирского престола, то, по версии Московско-Академической летописи (сохранившейся только в фрагментарном виде), главными действующими лицами в это время были великий князь Андрей и татарский военачальник Неврюн [Лурье, с. 55].

Насколько можно судить, представленные в Московско-Академической летописи и Житии Александра Невского формы личного имени – *Неврюнь* и *Неврюи* – более соответствуют монгольской средневековой антропонимии. Согласно правдоподобному предположению Р. П. Храпачевского, Неврюн русской летописи может быть тождественен монгольскому военачальнику Нюрину (ум. 1263), чья биография представлена в «Юань ши»

¹⁸ Мамлюкский историк Шихабуддин аль-Умари (ум. 1349) прямо утверждал, что Бату запретил Хулагу переходить Амударью и последний на два года должен был задержать свой поход на Запад, продолжив его только после смерти старшего Джучида (*Al-'Umari. Das Mongolische Weltreich / Hrsg. K. Lech. Wiesbaden, 1968. S. 17* (текст), 101–102 (немецкий перевод); *Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 224* (текст), 246 (русский перевод)). Рашид ад-Дин (ум. 1318), историк Хулагуидов, подтверждает эти сведения: Хулагу, следуя приказу хана Мунке, начал поход на Запад осенью 1254 г.; продвигаясь очень медленно и подолгу останавливаясь в разных местах, он переправился через Амударью не ранее 1 января 1256 г. (*Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. А. К. Арндса. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 24–25; Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-Tawarikh: Compendium of Chronicles – A History of the Mongols / Transl. W. M. Thackston. Cambridge, MA, 1998–1999. P. 479–480*). Согласно Джувеини, впервые ханский приказ о начале похода на Запад Хулагу получил еще в октябре 1253 г. (*'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror. P. 611*). Таким образом, на подготовку похода и путь до Амударьи Хулагу действительно потратил более двух лет и переправился через эту реку только после смерти Бату, произошедшей, вероятнее всего, в 1255 г. (см.: *Ibid. P. 268*). Амударья маркировала восточную границу средневекового Ирана [Jackson, 2017, p. 12], который Бату, несомненно, считал частью своих владений.

¹⁹ ПСРА. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 327–328; М., 2000. Т. 7. С. 159–160; М., 2000. Т. 10. С. 139.

²⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 524.

²¹ См.: *Беунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли»*. М.; Л., 1965, С. 174, 175.

(см.: [Храпачевский, с. 266–267]).

Нюрин (紐璘, *Ню-линь*) принадлежал к племени *салджиутов*, входившему в племенную группу *нирунов* (одна из ветвей средневековых коренных монголов). Антропонимы *Неврюнь*/*Неврюнь* русских источников и *Ню-линь* «Юань ши» могут соответствовать монгольскому этнониму *нирун*. Дед Нюрина входил в состав личной гвардии (*кешиг*) Чингисхана и затем участвовал в военной кампании Угэдея в Северном Китае. Отец Нюрина, Тайдар, участвовал в Великом Западном походе под началом будущего хана Мунке, сражаясь против аланов, кипчаков и других народов, за что получил одно из высших воинских званий – военный губернатор или главнокомандующий области (*ду юаньшуай* / 都元帅) – более высокое, чем темник. В 1252–1254 гг. Тайдар воевал в Южном Китае и погиб во время боевых действий. Вскоре Нюрин успешно заменил отца. В 1257–1260 гг. он принял активное участие в завоевании Южного Китая, и после нескольких важных побед Мунке присвоил ему то же звание военного губернатора, поручив командование пятидесятитысячной армией²².

В источниках нет прямых свидетельств участия Нюрина в военных кампаниях на Западе и, в частности, против Руси. Однако в биографии этого военачальника отмечается следующий факт: Нюрин часто сопровождал своего отца в военных походах. Важнейшим из них, несомненно, была Западная кампания 1236–1242 г., за победы в которой Тайдар получил звание военного губернатора. Весьма вероятно, что в войнах с аланами, кипчаками и Русью под руководством своего отца участвовал и Нюрин.

Важно подчеркнуть, что и Нюрин, и его отец всю жизнь служили Мунке и, очевидно, пользовались его особым доверием и покровительством, сделав блестящую военную карьеру. В 1252 г. Нюрин был уже опытным военачальником среднего уровня. Если в его послужном списке действительно было участие в завоевании Руси во время Великого Западного похода, то с приходом к власти Мунке он мог быть вновь назначен для выполнения подобной задачи. Во время нового похода на Северо-Восточную Русь Нюрин, несомненно, должен был действовать как представитель имперского центра, задачей которого было установление контроля вновь избранного великого хана над западными окраинами империи.

Разумеется, представленная здесь версия имеет характер гипотезы. Вполне вероятно, что в середине XIII в. в монгольской армии было несколько офицеров среднего звена, происходивших из племенной группы *нирунов* и использовавших этот престижный этноним в качестве личного имени или прозвища. Среди них, вероятно, могли быть и те, кто имел опыт участия в войнах на Западе и даже на Руси. Но, как бы то ни было, обладателя имени *Нирун* с большой вероятностью можно идентифицировать как коренного монгола, чья жизнь была связана, прежде всего, с военной службой великому хану, в нашем случае – Мунке.

«Неврюева рать» и ее последствия

Не выдержав столкновения с отрядом Неврюя (здесь и далее мы будем использовать эту общепринятую форму), великий князь Андрей Ярославич обратился в бегство. Его брат, Александр Невский, наоборот, отправился к татарам (*иде в Татары*), вероятно, к Бату, и уладил дело миром²³. В Лаврентьевской летописи (содержащей самый ранний рассказ о событиях 1252 г.) факты излагаются в следующем порядке: сначала говорится о поездке Александра «в Татары», «великой чести», оказанной Бату и получении «старейшинства во всей братии его»; затем рассказывается о монгольском походе против Андрея, после чего повествуется о приезде Александра из Орды во Владимир. Эта последовательность требует уточнения:

²² Юань ши. Глава 129. С. 3143–3145.

²³ ПСРА. Т. 1. Стб. 473.

поскольку Александр прибыл во Владимир несомненно после Неврюевой рати, к этому же времени следует отнести его возвращение от Бату в качестве великого князя [Горский, 2021, с. 20].

Поначалу летопись называет Александра новгородским князем (*Олександр, князь новгородський, Ярославич*)²⁴, как бы подчеркивая его удаленность от владимирского князя Андрея. Возможно, в начале 1252 г. Александр находился в своей северной столице и, *post factum* узнав о демарше младшего брата, должен был срочно ехать в ставку Бату прямо из Новгорода.

Описанные события в Лаврентьевской летописи приведены под 6760 мартовским годом (март 1252 – февраль 1253 г.). Их несколько сбивчивое изложение позволяет, тем не менее, восстановить общий порядок происходящего. Отказ Андрея Ярославича «цесарям служить» вызвал карательную экспедицию Неврюя, поражение и бегство Андрея, массовый грабеж населения Владимиро-Суздальской земли, устроенный татарами, поездку Александра Невского к Бату и благополучное возвращение во Владимир в качестве нового великого князя.

Более связный рассказ с дополнительными подробностями представлен в Софийской Первой летописи старшего извода (первая половина XV в.), сообщающей, что Неврюй, пришедший на Русь «съ многими воеводами и силою татарскою», сначала появился у Владимира, а затем скрытно (*таящися*) подошел к Переяславу, где настиг великого князя Андрея Ярославича. Сражение произошло в день памяти свв. Бориса и Глеба (*Боришь день*), потерпевший поражение Андрей бежал из страны²⁵. Лаврентьевская летопись подтверждает, что Андрей бежал из Владимира, не дожидаясь прибытия войска татар, «и погнаша татарове в след его, и постигоша и у города Переяслава». Только чудесное заступничество высших сил помогло Андрею избежать плена (*Бог же схрани и и молитва его отца*)²⁶. Похоже, что главной целью стремительного рейда Неврюя был захват владимирского князя для последующего наказания за совершенное им преступление.

Совместное почитание Бориса и Глеба в Древней Руси совершалось дважды в году: 24 июля и 2 мая (память о перенесении их мощей в новую церковь-усыпальницу в Вышгороде в 1115 г.). Битва под Переяславом могла произойти в любой из этих дней. Из сообщений обеих летописей следует, что Александр Невский не участвовал в столкновении с татарами. Возможно, в это время он еще находился в Новгороде. Не случайно, именно в Новгород, если верить Софийской летописи, первым делом бежал Андрей Ярославич²⁷. О случившемся Александр мог узнать непосредственно от своего незадачливого брата.

Интересующие нас события должны были продолжаться в течение нескольких месяцев. Отказ Андрея исполнить ханский приказ о переписи и карательный рейд Неврюя можно было бы отнести к весне – лету 1252 г. Еще несколько месяцев понадобилось затем на поездку Александра в Орду и урегулирование отношений с имперским центром (лето – осень), прежде чем он вернулся во Владимир на правах нового великого князя²⁸. Значит, приказ о проведении переписи во Владимиро-Суздальской земле впервые был доставлен на Русь не позднее конца зимы 1252 г.

Монголы располагали достаточными техническими возможностями для этого. Уже в XIII в. на территории империи действовала высокоскоростная курьерская почта (*narinyat*), обслуживавшая, прежде всего, ханов, а также высших гражданских и военных чиновников. С помощью такой службы ханские приказы и другая важная информация доставлялись

²⁴ Там же.

²⁵ ПСРА. Т. 6. Вып. 1. Стб. 327.

²⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 473.

²⁷ ПСРА. Т. 6. Вып. 1. Стб. 327.

²⁸ О времени, затрачиваемом русскими князьями на поездку в ставку Бату, см.: [Майоров, 20166].

на большие расстояния с беспрецедентной для своего времени скоростью: специальные императорские курьеры могли преодолевать от 300 до 450 км в сутки [Gazagnadou, p. 247]. Изданный вскоре после интронизации Мунке (1 июля 1251 г.) приказ о проведении новой переписи податного населения мог быть доставлен на Русь уже в конце 1251 или в самом начале 1252 г.

«Княгиня Ярославля» и ее дети

Нашествие Неврюя обнаруживает еще одну особенность, важную для нашего исследования. Речь идет о сломе установившегося порядка отношений, связывавших русских князей с монгольскими правителями разного уровня. Точнее говоря, в отношении, сложившиеся у Андрея и Александра Ярославичей с Бату, правителем Улуса Джучи, грубо вмешалась третья сила, представляющая монгольского хана, верховного правителя империи. Примечательно, что жертвами такого вмешательства в первую очередь стали лица, напрямую связанные с Бату, так или иначе обеспечивавшие установленный им порядок отношений с владимиросуздалскими князьями.

Рассказ о поражении под Переяславлем Андрея Ярославича от рати Неврюя в Лаврентьевской летописи завершается следующим известием: «Татарове же россунушася по земли, и княгину Ярославлю яша и дети изымаша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгину убиша, и дети Ярославли в полон послаша»²⁹. Согласно хорошо аргументированной гипотезе А. А. Горского, упомянутой здесь «княгиней Ярославлей» вероятнее всего была вдова великого князя Ярослава Всеволодовича ([Горский, 2020, с. 35–37]; см. также: [Isoaho, p. 62–64; Домбровский, с. 559–560]). В начале 1246 г., находясь в ставке Бату, Ярослав женился третьим браком на одной из близких родственниц – дочери или даже сестре – правителя Улуса Джучи [Горский, 2020, с. 34–35]. Более осторожно высказывался по этому поводу Д. Домбровский: последняя жена Ярослава была как-то связана с Бату и «относилась к его окружению» [Домбровский, с. 560]. М. Исоахо, первой обратившая внимание на подобную связь, предположила, что последняя жена Ярослава «могла иметь половецкое происхождение» [Isoaho, p. 64].

Хотя нет достаточных оснований утверждать, что «княгиня Ярославля» состояла в ближайшем родстве с Бату, с большой вероятностью можно предполагать ее высокий статус в монгольской иерархии, обусловленный родством с одной из ветвей потомков Чингисхана – Джучидами или, может быть, Угэеидами. Это предположение подкрепляет следующий факт. По свидетельству брата Иоанна (Джованни дель Пано Карпини), папского посланника к монголам, лично присутствовавшего на официальных мероприятиях по случаю избрания великим ханом Гуюка (август 1246 г.), Ярославу было предоставлено «высшее место» (*locum superiorem*) среди всех иностранцев (при том, что кроме него присутствовали китайские и корейские князья, несколько ближневосточных султанов и грузинских принцев)³⁰. Такое отличие русский князь мог приобрести, женившись на знатной монголке, чей высокий статус признавался не только в окружении Бату, но и при дворе великого хана.

Браки с представительницами правящей династии были обычной практикой, широко используемой потомками Чингисхана в период великих завоеваний, когда с помощью браков монгольские правители устанавливали более прочные отношения с признавшими их власть правителями других стран и народов. Последние, в свою очередь, также стремились к породнению с Чингизидами, что приобщало их к властной элите Монгольской империи

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

³⁰ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. P. 319.

(см.: [Майоров, 2021а]).

Убийство вдовы Ярослава, на наш взгляд, не могло быть случайностью, произошедшей во время боевых действий. Из приведенного выше сообщения летописи видно, что княгиня-вдова вместе со своими детьми была взята в плен живой и убита впоследствии, уже находясь в плену. Убийство пленницы такого уровня не могло быть совершено по инициативе Неврюя. Для этого, несомненно, требовалась специальная санкция, исходившая от высшей имперской власти.

Хорошо известно, что женщины, происходившие из рода Чингизидов, становясь женами правящих ханов или князей, играли важную роль в политической жизни. Эта роль еще более возрастала, если женщина становилась вдовой. Вдовы великих ханов *de facto* неоднократно вставали во главе Монгольской империи, приобретая всю полноту верховной власти до избрания нового правителя. Поражение в политической борьбе, в которой такие женщины участвовали наравне с мужчинами, означало для них не только потерю власти, но очень часто и жизни (см.: [Broadbridge, p. 31–37, 165–172, 190–193, 195–224]).

Подобные случаи имели место и в семействе Бату. Его вдова, Боракчин-хатун, не желая уступать власть Берке, около 1257 г. вступила в заговор против последнего, пытаясь передать престол одному из своих малолетних внуков. Столкнувшись с растущим антагонизмом сторонников Берке, Боракчин, по некоторым данным, обратилась за помощью к Хулагу и даже лично отправилась в его лагерь. Однако враги настигли и убили ее, прежде чем Хулагу смог выступить на помощь (см.: [Jackson, 1978, p. 223–224]; ср.: [Broadbridge, p. 256]).

Если вдова Ярослава Всеволодовича действительно была Чингизидкой, ее активное участие в политических делах, а также суровая расплата за поражение были бы вполне ожидаемы.

Расправа с вдовствующей княгиней совпадает по времени с широкомасштабной волной репрессий, проведенной Мунке и Толуидами против своих политических противников – реальных или мнимых – и коснувшейся многих Чингизидов (в том числе их жен и матерей), а также высших чиновников и региональных правителей в различных частях империи, убитых или лишенных власти («толуидская революция») (см.: [Allsen, 1987, p. 30–34; Норе, 2016, p. 71–77; Мау, p. 144–151]).

Политические чистки, проведенные Мунке в 1250–1252 гг., были направлены главным образом против Угэдеидов и Чагатаидов, однако осуществлялись они прежде всего в интересах Толуидов, оказавшихся в наибольшем выигрыше. В период своего правления Мунке последовательно предпринимал шаги, гарантировавшие, что гегемония Толуидов никогда не будет оспорена. Хотя Джучиды также извлекли некоторую выгоду в результате смены верховных правителей, они по-прежнему оставались частью единой империи и должны были подчиняться новому великому хану. Автономия, которой пользовались Джучиды, могла показаться значительной только в сравнении с правами, остававшимися у свергнутых Угэдеидов и Чагатаидов (см.: [Мау, p. 149, 153]).

Похоже, правители империи считали вдову Ярослава Всеволодовича непосредственной участницей конфликта, произошедшего в Северо-Восточной Руси, и возложили на нее вину за неповиновение приказу хана о проведении переписи и выплате дани. На это, как кажется, намекает еще одна деталь: вдова Ярослава была убита вместе с владимирским воеводой Жидославом, также попавшим в плен к Неврюю. Резонно предположить, что оба они имели одинаковую вину перед ханом. В силу своего положения Жидослав мог входить в ближний круг бояр великого князя Андрея Ярославича, по чьему совету он отказался «цесарям служить».

В то же время дети «княгини Ярославли» остались живы и были куда-то перемещены (*дети Ярославли в полон послаша*)³¹. Вероятнее всего их доставили в ставку великого хана, где удерживали в качестве заложников. Помимо назначения баскаков монголы обеспечивали лояльность иностранных правителей, принимая и удерживая при императорском дворе их сыновей, младших братьев или других родственников мужского пола. Последние зачислялись в императорскую гвардию и с юных лет получали соответствующее воспитание. Тем самым монголы приобретали не только заложников, гарантировавших лояльность своих отцов и старших братьев, но и своего рода надежный кадровый резерв: воспитанный в монгольском духе принц-заложник при случае мог заменить своего мятежного или проштрафившегося родственника [Jackson, 2017, p. 254; Норе, 2022, p. 371–372, 376].

Русские князья, Джучиды и имперский центр

Не только правители Улуса Джучи, но и монгольская региональная аристократия в целом негативно или даже враждебно восприняла реформы Мунке, связанные с установлением новой налогово-административной системы, в результате которых она теряла значительную часть своей власти и богатства. По всей видимости, сопротивление этим реформам оказывали не только Джучиды и присягнувшие им русские князья. Инциденты подобного рода происходили и в других местах.

Общее руководство по проведению переписи и связываемых с ней реформ в западных областях империи – в Иране, на Кавказе и, по-видимому, в русских землях – Мунке возложил на эмира Аргуна (Аргун-ака), наделив его самыми широкими полномочиями (см.: [Lane]). Действуя жестко и решительно, Аргун лишил власти и собственности прежних монгольских администраторов в Хорасане и Мазендеране: «Он взял под свою охрану доходы от этих земель и заставил тех людей убрать от них руки; он освободил от бремени их власти всех жителей, высокого и низкого происхождения...»³². Теми же методами Аргун и его помощник по имени Буга действовали на Кавказе, используя военную силу против местных правителей и начальников гарнизонов, отказывавшихся платить новые налоги: «...прибыв к татарским войскам, [Буга] входил в дома старшин и безжалостно отнимал все, что нравилось ему, и никто не осмеливался сказать ему что-нибудь, ибо он собрал себе людей среди разбойников из персов и мусульман»³³.

Монгольские нойоны ненавидели новые порядки, так как земли, которыми они ранее распоряжались как своей собственностью, были переданы под контроль регионального секретариата, возглавляемого ревностным Аргуном. Многие из ведущих нойонов пытались сорвать работу ханского наместника и скомпрометировать его, поощряя представителей местной аристократии (в частности, грузинской) к открытому сопротивлению, а также отправляя к ханскому двору жалобы и доносы с ложными обвинениями в адрес Аргуна³⁴ (см.: [Норе, 2016, p. 79]).

В конце 1253 или в начале 1254 г. Аргун посетил ставку Бату и провел с ним какие-то переговоры. По словам Джувейни, ближайшего сотрудника Аргуна, это было необходимо «для решения некоторых дел», и в итоге все было сделано «в соответствии с указом Менгучаана и его (то есть Аргуна. – А. М.) собственным толкованием»³⁵ (см.: [Allsen, 1987, p. 136]).

³¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 473.

³² *Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror. P. 507–508.

³³ *Киракос Гандзакецци*. История Армении. С. 193–194; Kirakos Ganjakets'i's History of the Armenians / Trans. Robert Bedrosian. New York, 1986. P. 260.

³⁴ *Киракос Гандзакецци*. История Армении. С. 194, 219; Kirakos Ganjakets'i's History of the Armenians. P. 260, 296.

³⁵ *Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror. P. 521.

Будучи частью рассказа об общеимперской переписи и фискальных реформах Мунке, это сообщение, скорее всего, означает, что Аргун обсуждал с Бату некоторые спорные детали указа великого хана, касавшиеся административно-финансового контроля имперского центра в отношении территорий, подчиненных Джучидам.

Если Бату и был недоволен требованиями великого хана, то после недавнего удара Неврюя должен был им подчиниться. Как полагает Джудит Колбас, в результате визита Аргуна на землях Джучидов были восстановлены prerogatives центрального монетного двора и инициирована программа интеграции северных областей, управляемых Бату, с западными провинциями, управляемыми ханским наместником. Теперь Джучиды могли оставлять себе только от одной пятой до одной трети налогов, собираемых на их землях, тогда как основная часть сборов поступала в императорскую казну (см.: [Kolbas, p. 143–144]).

Вместе с тем Бату сделал все возможное, чтобы максимально затянуть и отсрочить проведение переписи в русских землях, дань с которых составляла значительную часть его доходов. Для дальнейших переговоров в ставку великого хана Бату отправил своего старшего сына Сартака, непосредственно управлявшего русскими землями. Переговоры продолжались несколько лет без видимого результата. Перепись на Руси была проведена только после смерти Бату и последовавшей вскоре неожиданной смерти его наследника (см.: [Allsen, 1987, p. 136–138]).

Литература

- Бартольд В. В. История Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 107–166.
- Горский А. А. Александр Невский и монголы // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 173–178.
- Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37. DOI: 10.31857/S086956870010768-5
- Горский А. А. Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35. С. 10–27.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. [с польского] и вступ. слово к рус. изд. К. Ерусалимского и О. Остапчук. Изд. испр. и доп. СПб., 2015. 879 с.
- Иакинф (Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. XVI, 441 с., 1 л. карт.
- Конявская Е. А. Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 168–179.
- Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. 283 с.
- Майоров А. В. Русские князья после нашествия Батые: борьба за Галич и Киев // Stratum plus. 2016. № 5. С. 49–56. [Майоров, 2016а]
- Майоров А. В. Даниил Галицкий в пути к хану Батыею: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // Stratum plus. 2016. № 6. С. 195–202. [Майоров, 2016б]
- Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 3. С. 124–199. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199 [Майоров, 2021а]
- Майоров А. В. Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 5–24. DOI: 10.25986/IRI.2021.86.4.001 [Майоров, 2021б]
- Майоров А. В. Русские земли в фискальной политике хана Мунке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4 (в печати).
- Храпачевский Р. П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV чтения памяти В. Т. Пашуто и А. П. Новосельцева. М., 2013. С. 264–268.

- Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 186–209.
- Abramowski W. Die chinesischen Annalen des Mōngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-Shih // Zentralasiatische Studien. 1979. Bd. 13. S. 7–71.
- Allsen T. Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. P. 32–53.
- Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Mōngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley etc., 1987. XVI, 278 p.
- Boyle J. A. The Mongols and Europe // History Today. 1959. Vol. 9. P. 336–343.
- Bretschneider E. The Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910. Vol. 2. X, 352 p.
- Broadbridge A. Women and the Making of the Mongol Empire. Cambridge, 2018. XX, 341 p.
- Fennell J. The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304. London; New York, 1983. XIII, 206 p.
- Gazagnadou D. Les postes à relais de chevaux chinoises, mongoles et mameloukes au XIIIe siècle: un cas de diffusion institutionnelle // La circulation des nouvelles au Moyen-Age. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 24e congrès. Avignon, 1993. P. 243–250.
- Hope M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford, 2016. VIII, 238 p.
- Hope M. The Keshig // The Mongol World. London; New York, 2022. P. 370–381.
- Isoaho M. Polovtsy Contacts in the House of Vladimir-Suzdalia – John of Plano Carpini's Account of Prince Yaroslav Vsevolodovich's Retinue in 1246 // Rossica Antiqua. 2014. No. 2. P. 44–70.
- Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. 1978. Vol. 22. P. 186–244.
- Jackson P. The Mongols and the Islamic World from Conquest to Conversion. Now Haven; London, 2017. XXII, 614 p.
- Kolbas J. The Mongols in Iran. Chingiz Khan to Uljaytu 1220–1309. London; New York, 2006. XV, 414 p.
- Lane G. Arghun Aqa: Mongol Bureaucrat in Iran // Iranian Studies. 1999. Vol. 32. P. 459–482.
- Langer L. N. Between the Politics of Accommodation and Independence: Rus', the Mongols, and the Church, 1237–1350 // The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe. London and New York, 2021. P. 487–500.
- May T. The Mongol Empire. Edinburgh, 2018. XXII, 416 p.
- Ostrowski D. The Tatar Campaign of 1252 // Palaeoslavica. 2009. Vol. 17. No. 2. P. 46–64.
- Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015. XI, 385 p.
- Vásáry I. Taxation in the Jochid Ulus // The Mongol World. London; New York, 2022. P. 468–483.

References

- Abramowski, W. Die chinesischen Annalen des Mōngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-Shih. In *Zentralasiatische Studien*. 1979. Bd. 13. S. 7–71.
- Allsen, T. Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275. In *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. Vol. 5. Pp. 32–53.
- Allsen, T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Mōngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley etc., 1987. XVI, 278 p.
- Bartol'd, V. V. Istoriya Turkestana [History of Turkestan]. In *Bartol'd, V. V. Sochineniya*. Moscow, 1963. Vol. 2. Part 1. Pp. 107–166.
- Boyle, J. A. The Mongols and Europe. In *History Today*. 1959. Vol. 9. P. 336–343.
- Bretschneider, E. The Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910. Vol. 2. X, 352 p.
- Broadbridge, A. Women and the Making of the Mongol Empire. Cambridge, 2018. XX, 341 p.
- Cherepnin, L. V. Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.) [Mongol-Tatars in Rus (13th Century)]. In *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 186–209.
- Dombrovskii, D. Genealogiya Mstislavichei: Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.) [Genealogy of the Mstislaviches: The First Generations (Before the Beginning of the 14th Century)]. Transl. [from Polish] and Introductory Word for Russian Edition by K. Erusalimsky and O. Ostapchuk. Edition revised and expanded. Saint Petersburg, 2015. 879 p.
- Fennell, J. The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304. London; New York, 1983. XIII, 206 p.
- Gazagnadou, D. Les postes à relais de chevaux chinoises, mongoles et mameloukes au XIIIe siècle: un cas

- de diffusion institutionnelle. In *La circulation des nouvelles au Moyen-Age. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 24e congrès*. Avignon, 1993. Pp. 243–250.
- Gorskii, A. A. Aleksandr Nevskii i mongoly [Alexander Nevsky and the Mongols]. In *Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn*. Moscow, 2010. Pp. 173–178.
- Gorskii, A. A. Nasledovanie velikogo knyazheniya v seredine XIII v., Batyi i machekha Aleksandra Nevskogo [Inheritance of a Great Reign in the Mid 13th Century, Batu and Stepmother of Alexander Nevsky]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 31–37. DOI: 10.31857/S086956870010768-5
- Gorskii, A. A. Aleksandr Nevskii kak istoricheskii deyatel': spornye problemy [Alexander Nevsky as a Historic Personality: Controversial Problems]. In *Istoricheskii vestnik*. 2021. Vol. 35. Pp. 10–27.
- Hope, M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford, 2016. VIII, 238 p.
- Hope, M. The Keshig. In *The Mongol World*. London; New York, 2022. Pp. 370–381.
- Iakinf (Bichurin). Istoriya pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova [The History of the First Four Khans from the House of Genghis]. Saint Petersburg, 1829. XVI, 441 p., 1 l. of maps.
- Isoaho, M. Polovtsy Contacts in the House of Vladimir-Suzdalia – John of Plano Carpini's Account of Prince Yaroslav Vsevolodovich's Retinue in 1246. In *Rossica Antiqua*. 2014. No. 2. Pp. 44–70.
- Jackson, P. The Dissolution of the Mongol Empire. In *Central Asiatic Journal*. 1978. Vol. 22. Pp. 186–244.
- Jackson, P. The Mongols and the Islamic World from Conquest to Conversion. Now Haven; London, 2017. XXII, 614 p.
- Khrapachevskii, R. P. Ekonomicheskaya sostavlyayushchaya “Nevryuevoi rati” (po mongol'skim istochnikam) [The Economic Component of the “Nevryuy's Campaign” (According to Mongolian Sources)]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXV chteniya pamyati V. T. Pashuto i A. P. Novosel'tseva*. Moscow, 2013. Pp. 264–268.
- Kolbas, J. The Mongols in Iran. Chingiz Khan to Uljaytu 1220–1309. London; New York, 2006. XV, 414 p.
- Konyavskaya, E. L. Antiordynskie vystupleniya Rusi vo vtoroi polovine XIII – pervoi treti XIV v. [Anti-Horde Actions of Rus in the Second Half of the 13th – the First Third of the 14th Century]. In *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya*. Tver, 2019. Issue 12. Pp. 168–179.
- Lane, G. Arghun Aqa: Mongol Bureaucrat in Iran. In *Iranian Studies*. 1999. Vol. 32. Pp. 459–482.
- Langer, L. N. Between the Politics of Accommodation and Independence: Rus', the Mongols, and the Church, 1237–1350. In *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe*. London and New York, 2021. Pp. 487–500.
- Lur'e, Ya. S. Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. [All-Russian Chronicles of the 14th – 15th Centuries]. Leningrad, 1976. 283 p.
- Maiorov, A. V. Russkie knyaz'ya posle nashestviya Batyya: bor'ba za Galich i Kiev [Russian Princes after the Invasion of Batu: Struggle for Galich and Kiev]. In *Stratum plus*. 2016. No. 5. Pp. 49–56. [Maiorov, 2016a]
- Maiorov, A. V. Daniil Galitskii v puti k khanu Batyyu: k sporam o prodolzhitel'nosti poezdki knyazya v Ordu [Daniel of Galicia en Route to Batu Khan: On the Disputes about the Duration of the Prince's Trip to the Horde]. In *Stratum plus*. 2016. No. 6. Pp. 195–202. [Maiorov, 2016b]
- Maiorov, A. V. Zhenshchina, diplomatiya i vojna: russkie knyaz'ya v peregovorakh s Batu nakanune mongol'skogo nashestviya [Woman, Diplomacy and War: Rus Princes in Negotiations with Batu on the Eve of the Mongol Invasion]. In *Shagi/Steps*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 124–199. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199 [Maiorov, 2021a]
- Maiorov, A. V. Aleksandr Nevskii, rimskii papa i mongol'skii khan: k voprosu o “vybore” mezhdu Zapadom i Vostokom [Alexander Nevsky, Pope and Mongol Khan: On the Question of the “Choice” between the West and the East]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. № 4 (86). Pp. 5–24. DOI: 10.25986/IRI.2021.86.4.001 [Maiorov, 2021b]
- Maiorov, A. V. Russkie zemli v fiskal'noi politike khana Munke [Rus' lands in the fiscal policy of Möngke Khan]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2022. Vol. 67. Issue 4 (in print).
- May, T. The Mongol Empire. Edinburgh, 2018. XXII, 416 p.
- Ostrowski, D. The Tatar Campaign of 1252. In *Palaeoslavica*. 2009. Vol. 17. No. 2. Pp. 46–64.
- Selart, A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015. XI, 385 p.
- Vásáry, I. Taxation in the Jochid Ulus. In *The Mongol World*. London; New York, 2022. Pp. 468–483.

Alexander V. Mayorov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ALEXANDER NEVSKY, BATU AND MÖNGKE KHAN:
INVASION OF NEVRUY AND CONTROL OVER RUSSIAN LANDS

The attack of the Mongol commander Nevruy on the Vladimir-Suzdal Land that took place in the first half of 1252 was due to the struggle for power in the Mongol Empire. To ensure control over the western outskirts of the empire, the new Great Khan Möngke sought to destroy the system of subordination of Russian lands created by Batu in the 1240s. The census of the population of Rus, undertaken by the Möngke government, was supposed to ensure the centralization of power, material and human resources, necessary for further conquests both in the West and in the East. The confrontation between the Jochids and the imperial center continued for several years, until the death of Batu and his son Sartaq.

Keywords: Alexander Nevsky, Andrey Yaroslavich, Batu, Möngke Khan, Nevruy